

Рассказы о любви

Марина Ганфайтер

18+

Марина Ганфайтер
Рассказы о любви

«Автор»

2026

Ганфайтер М.

Рассказы о любви / М. Ганфайтер — «Автор», 2026

В книгу вошли две истории, повлиявшие на судьбы героинь. Любовь приходит к тем, кому ещё только 13 лет, и к тем, кому далеко за тридцать.

© Ганфайтер М., 2026

© Автор, 2026

Марина Ганфайтер Рассказы о любви

Зимние каникулы

Моя мама родом из Подмосковья, но замуж вышла за украинца и уехала с ним в Ворзель, что под Киевом. Там я и родилась.

Как-то в конце декабря на зимних каникулах я решила съездить к бабушке, провести её. Хотя, кроме мамы, у бабушки были и другие дети, мамины братья, но у них всегда много дел, много отговорок и совсем мало времени, чтобы навеститься в родную деревню, повидать бабушку. А ведь езды-то всего час от Москвы! Один мой дядя – директор магазина, другой-доктор каких-то там наук, зазнались они порядочно и о матери своей редко вспоминали. Вот бабулечка и жила одна в деревне. Дом у неё был деревянный, старый, срубленный на совесть ещё моим прадедом. Окошки со ставнями, крылечко в пять ступенек, балкон на втором этаже напоминал древнерусские терема и выходил не во двор, а на тихую деревенскую улицу, заросшую акацией да кустами сирени.

Я любила бывать у бабушки. Она что-то стряпает, а я сижу рядом за столом и наблюдаю, как ладно и быстро всё у неё получается. Печка с лежанкой немного не настоящая, потому что растапливалась не дровами, а газом. Зато, кроме электрочайника, в доме обосновался настоящий медный самовар. Я строгала лучины и подкладывала их в пузатого, начищенного до блеска бабушкиного любимца. И ведь правда: никакой электрочайник не мог приготовить такой вкусный чай, как этот, весь свой век прослуживший людям самовар.

По старой скрипучей лестнице, слабо освещённой, так как света из маленького окошка было недостаточно, я взбиралась вверх, перебивала бабушкину перину, разглаживая, укладывала её на большую железную кровать со смешными шишечками на спинках, накрывала душистой простынёй, аккуратно выкладывала подушки так, как любила бабушка, и становилась у окна полюбоваться улочкой, занесённой сугробами. Декабрь оказался нежадным на снег, выпало его много, да такой влажный, липучий, что ни деревьям, ни кустам, ни крышам домов не было от него никакого спасения.

Выйдя на улицу, я услышала, как за домом заорал бабушкин кот Бандит. Вначале у кота было другое имя, но зверёк оказался таким проворным, что успевал с самого утра испортить хозяйке настроение: то запутает вязание, то заслонку в печи откроет и слопает пирог, то прямо под ноги бросится, заорёт и пронесётся, даже не заметив, как испугал хозяйку. Бабушка только охает да укоряет кота:

– Бандит ты, а не животное! Вот отдам тебя обратно – будешь знать!

Бандит на бабушку не обижался, он знал, что угрозы её так и останутся угрозами. Но имя это к нему приросло. И впрямь: как ни называй, а бандит – он и есть Бандит.

Вот и сейчас залез на дерево, росшее на меже с соседним двором, да взобрался так высоко, что не может слезть, и снега боится: белая стена окружает его со всех сторон.

– Бандит, – зову я вкрадчиво, – спускайся вниз, не бойся. Ну, иди сюда, дурачок, кис-кис...

– Мяу! – вот и весь ответ. Жалобный такой, душераздирающий. То ли дерево встряхнуть? Авось, испугается и рискнёт спуститься. Я подпрыгиваю, достаю до ветки и с силой дёргаю её, тормоза всё дерево. Оборачиваюсь глянуть, где кот, и замираю: передо мной стоит парень лет 26-ти, в тёмно-синем свитере и джинсах, но одежды его почти не видно под облаком снега, сброшенного мною с дерева. Парень настолько растерян, что ничего не может ни сказать, ни сделать, только глазами хлопает. Но глаза! Какие у него глаза! Большие, глубокие и удивительного изумрудного цвета! Их влажность так и притягивает к себе! Я стою, как идиотка, молчу, улыбаюсь от растерянности и не могу отвести взгляд от парня. И только он соби-

рается с силами, чтобы что-то произнести, как кот соскакивает с ветки, целясь в его плечо, но не удерживается и, падая, повисает у парня на груди, вцепившись когтями в свитер.

– Бандит! – кричу я, всплеснув руками.

Уже открывшийся рот парня захлопывается, он снимает с себя упирающегося кота, протягивает мне, а сам разворачивается и молча уходит в соседний дом.

Вот так мы встретились. Мне было тогда тринадцать лет, но выглядела я старше: высокая, длинноногая, с косой медового цвета, своей собственной, а не крашеной. И по уши была влюблена в свой возраст, самый чистый, всё открывающий, рождающий желания, мечты и надежду, что всё это когда-то исполнится. И не было чётких мыслей, а было что-то лёгкое, радужное, и с цветом, и с запахом, и с желанием всё узнать, всё испробовать, всем насладиться. Была первая в моей жизни бессонная ночь не оттого, что зуб болит или боишься темноты, а потому что перебираешь вновь и вновь то первое прикосновение к самому удивительному – влюблённости. Почему вдруг человек этот стал тебе так интересен и дорог? Почему глаза его словно брызнули в тебя виноградным соком? И разве не встречала раньше парней намного интереснее, чем он? И что в нём такого особенного? Ну, высок, строен, широкоплеч, волосы жёсткие, слегка выющиеся, спадают почти до плеч. Свитер, сразу видно, кто-то с любовью вязал для него, может быть, мама, но, может, и жена.

И лежишь, натянув до подбородка одеяло, и смотришь, как волнуется в печке огонь, как гуляют по комнате врывающиеся в окно лунные блики, мешая спать. А за открытыми шторами загордилась акация, прикрытая снежным воротником, и только макушка её темнеет на фоне прозрачно-молочного декабрьского неба. Я вытягиваю руку и отыскиваю то место, где должно быть сердце. Уж что-то очень бойко отстукивает оно сегодня свой ритм. Бьётся и бьётся, как маленькая птичка, попавшая в клетку.

Скоро Новый год. Ёлка уже убрана, в доме пахнет смолой, мандаринами, что я привыкла развешивать на ёлке в этот праздник, какими-то душистыми приправами. Это бабушка готовит пирог, быстро-быстро замешивает тесто, мнёт его, гладит, похлопывает по маслянистым бокам, подбрасывает и поёт при этом. У бабушки красивый голос, но сейчас это напоминает шаманское пение.

Я раскалываю орехи, дую на прибитый молотком палец, ругаюсь про себя и выковыриваю непослушные ореховые остатки из плохо раздробленной скорлупы. Бандит тоже проникся уважением к предстоящему торжеству и, как только бабушка отвернулась, залез лапой в миску, где подходит тесто.

– Не смей! – бабушка тут как тут. Но Бандита уже и след простыл, он, как альпинист, взбирается на ёлку, и игрушки, с писком осыпаясь, устраивают новогодний дождь.

За окном белеет забор соседнего дома, и среди холодного, равнодушного зимнего безмолвия – тёплый свет рано загоревшегося окна.

Говорящие на разных языках найдут общий язык – язык взглядов, жестов, поймут друг друга и будут вместе. Но что делать мне, тринадцатилетней девочке? Глянет ли он на меня? Поймёт ли, что я тоже могу любить, переживать? Увы, нет у меня никакой надежды. И всё же муки свои я не отдам никому, потому что это сладкие муки.

– Катя! – зовёт меня бабушка. – Помоги!

Я складываю последние осколки разбившегося шарика и ступаю к лестнице, успеваю спуститься всего на одну ступеньку, как Бандит выпрыгивает из-под ёлки и мчится за мной. Прыжок – и моя нога висит в воздухе. Падая, я пытаюсь поймать рукой перила, но не успеваю и лечу вниз, ощущая лицом каждую ступеньку.

Правая нога болит и расплывается, полнея на глазах. Лоб и правая половина лица – всё в крови...

– Катенька! – охает бабушка. – Ты чёй-то с собой сделала? Бандит! – кричит она. – Подлая твоя душа, убью!!

Хорошо, что хоть амбулатория недалеко, я ковыляю, поддерживаемая бабушкой. Амбулаторией называют маленький домик в тупике улицы. Давно не крашенные двери скрипят, как деревянная нога у сторожа; внутри пахнет чем-угодно, но только не больницей: мышами, копчёной колбасой с чесноком, липовым чаем. Бабушка усаживает меня на табуретку, а сама уходит разыскивать доктора.

– И гдей-то так? – не то с любопытством, не то с восхищением разглядывает сторож мою растолстевшую ногу. Надеть колготы или что другое тёплое я не смогла, уж больно пекло колено, поэтому и пришла как была: с голыми ногами, прикрываясь лишь бабушкиным пуховым платком.

– Счас дровишек подкину, милая, и сугреешься! – успокаивает сторож и ковыляет куда-то на своей скрипучей ноге. Появляются дровишки, фыркает печурка, а затем и липовым чаем угощает меня сторож.

– Пей, пей, не морщись! – заставляет он меня, наливая уже вторую кружку. – Тебе согреться надоть.

Не знаю, чем бы ещё накормил и напоил меня старик, но тут двери открылись и вошёл «доктор», следом за ним заглянула и бабушка.

Я ожидала увидеть немолодого, почему-то обязательно полного врача с большими руками, но от самого порога рванулись ко мне, словно обожгли, заставили вздрогнуть и куда-то провалиться знакомые зелёные глаза. И таким растерянным был их взгляд, таким же оставившимся от неожиданности, как там, у дерева, когда мы замерли друг перед другом.

– Вот, – указала на меня бабушка, – внучка моя, Катя. Глянь, милоч, что с нею-то. Идти не может, нога раздулася. Да и лицо того, крови больно много...

– Опять кота ловили? – спросил он, улыбнувшись. И глаза его тоже улыбнулись, маленькие морщинки разбежались от уголков глаз, а потом распрямились, будто и не было их.

– Его самого, – подтвердила бабушка, – не кот, а наказание одно. Ефимовна подсунула, небось, все тарелки переколотил ей, вот она мне его и ... Павел, Новый год на носу, а тут такие дела! Помоги, слышишь!

«Значит, его зовут Павел», – подумала я.

Доктор надел белый халат, помыл руки, плескаясь у раковины, и присел передо мной, так близко от моих голых ног, что меня слегка качнуло назад. Прохладными и влажными руками он очень осторожно прошёлся по колену, постарался разогнуть ногу, я охнула, потом медленно, но настойчиво вновь согнул её и с сомнением произнёс:

– Похоже на растяжение, но хорошо бы в больницу свезти, сделать снимок, вдруг что... Не дай бог, конечно, но раз праздник на носу – девушка должна же танцевать. Верно я говорю? – взметнул на меня свои глазищи.

Я кивнула.

– В город? – переспросила бабушка. – И кто ж тебя сейчас повезёт? Трезвого мужика на всю деревню не отыщешь!

– Я повезу, – решил Павел, – не пропадать же девушке, коль мужики ваши так охочи до спирта. Не желаете? – повернулся ко мне и пододвинул бутылку. – Спирт. Боль снимет, веселее ехать.

Бабушка покосилась на врача.

– Ты чего это выдумал? Ты мне девку не спаивай!

– Да он же шутит! – рассмеялась я.

– Мне налей, Семёныч! – откуда ни возьмись сторож, пристроил под стол деревяшку, выплеснул чай из кружки да и подставляет доктору.

Вспомнили наконец и про моё лицо. Павел обработал раны, поцокав языком, нежно взял меня за подбородок и прощептал так, чтоб бабушка не слыхала:

– Хорошее личико, кожа бархатная; руки приросли и не опускаются. И что мне с ними делать?

Я замерла от его шёпота, от слов, смысл которых почему-то не доходил до сознания, только этот голос, вкрадчивый, соблазняющий. А ещё его колено, трущееся о мою голую ногу, здоровую, конечно. Он был в мягких шерстяных брюках, но это колено даже сквозь ткань передавало мне какие-то незнакомые импульсы. А может, это выходило непроизвольно? А может, этого вообще не было? А был просто врач? И я всё напридумывала?

И вот мы вдвоём в его белом «москвиче» едем во Фрязево, в больницу, где есть рентген. Я сижу на переднем сидении, он заботливо уложил мою больную ногу, а руки его, как мне вновь показалось, слишком долго укладывали её, а потом невзначай ещё задержались там, где им, вроде бы, и делать нечего, поправили складки моей юбки и нехотя вернулись к хозяину.

– Не холодно? – спросил и подмигнул. И что ему ответишь? Что мне давно жарко, горят щёки, и уши, горит больная нога, к которой он прикасался, и даже здоровая – горит! Скажу – подымет на смех. Сажу и молчу.

Ехать недалеко, когда погода хорошая, а тут, как назло, снег летит и летит, точно белый занавес в театре падает, ничего не видно за этой пеленой. И ни одной встречной машины.

– Катя, чего примолкла? – спрашивает он.

– Грустно, что всё так случилось. Праздник, люди дома, готовятся, а я – вот... А всё Бандит виноват, кот бабушкин.

– Так Бандит – это ваш кот? – развеселился Павел. – А я подумал, что ты меня так назвала. Ничего себе, думаю, сначала снегом забросала, а потом ещё и обругала. А я прогуляться вышел, смотрю: девушка симпатичная вокруг двора моего ходит, наверное, хочет со мной познакомиться. Предлога не найдёт, зачем-то кота притащила...

– Я? Познакомиться? – задыхнулась даже от обиды. – Вот ещё! никогда ни за кем не бегала!

– Не похоже. Так бежала, что даже ногу сломала.

– Так это я из-за Бандита, с лестницы упала. Да и нет перелома, Вы же сами сказали.

– Конечно, нет.

– Так зачем же мы во Фрязево едем?

– От бабушки твоей подальше, а то и обнять не могу, следят...

Я уж и не знаю, когда шутит он, когда серьёзно говорит. Сажу, надулась, все иголки свои спрятала, а он поглядывает и посмеивается. Руку так небрежно протянул:

– Где-то тут, в бардачке, сигареты валялись...

– Вы курите?

– Нет.

– А зачем сигареты?

– Приятно же над женскими коленями зависнуть. Я тебе нравлюсь, Катя?

– А если скажу, что нравитесь?

– Будем вместе Новый год встречать. Бабушка твоя пирог испечёт, ты свечи задуеть, а Бандит потом всё это съест.

– Свечи или пирог?

– Болит нога? – спрашивает уже серьёзно, когда тряхнуло на повороте и я скривилась. – Уже недалеко осталось, потерпи, – и наклонился ко мне, нежно так, легко, как сестру, поцеловал.

Перелома, как и предсказывал Павел, не оказалось. Сделали мне укол, смазали какой-то гадостью, туго забинтовали и посоветовали пару деньков ногу не напрягать. Павел вынес меня из больницы на руках, посадил вновь на переднее сидение, и мы отправились в обратный путь. Мысль, что с ногою всё будет в порядке, так окрылила меня, что я на радостях обо всём забыла. И этот обратный путь стал для меня таким приятным, что мне уже и не хотелось, чтобы

он заканчивался. Наверное, Господь меня услышал, потому что он подбросил столько снега, что машина несколько раз останавливалась, пока окончательно не застряла в сугробе. Павел вышел, осмотрел дорогу, стукнул со злостью по колесу машины, сел, потом вновь вскочил. Снег валил и валил, даже неба не было и земли, один сплошной снег.

– Как же так? Где их трактор, чёрт побери?! Новый год на носу, а мы тут, в поле! И бензина у меня не очень много, чем греться-то будем? А, Катя? Я дурак! Надо было заправиться во Фрязево.

– Бабушка о нас не забудет, она найдёт кого-нибудь.

Признаться, я даже была рада нашему снежному плену, а он вздыхал и злился.

– Павел, а Вы когда-нибудь встречали Новый год вот так необычно, с чужим человеком?

– Первый раз. Но до двенадцати ещё далеко. Кто-то же должен проехать! – он задумался,

– Ты сказала «с чужим человеком»... Я чужой тебе? А мне казалось... Или только казалось?

– Не знаю... У меня это впервые...

– Катя, – шепчет он и тянется к верхней пуговке моего полушубка. И так медленна его рука, что я могу успеть несколько раз ударить по ней, но почему-то этого не делаю. В глазах моих и нежность, и испуг, и чего больше – не разберёшь.

– Жаль, нет здесь твоего Бандита.

– Почему? – улыбаюсь я.

– Он оставил бы на мне ещё пару царапин. Мы с тобой – жертвы бандитского нападения.

Пуговица не хочет расстёгиваться, его пальцы застревают в шубе и, потерпев фиаско, оказываются на моём колене.

– Хорошо, что у тебя только одно колено разбито. Вообще хорошо, что у тебя не одно колено, а целых два.

– А ещё лучше, если бы их было три, – соглашаюсь я.

Павел включает радио, и в машину врывается музыка. «Почему мы не вместе?» – поёт чей-то приятный голос, и я вспоминаю эту песню, она звучит в конце фильма «Приморский бульвар». И так странно слышать её здесь, в этой застрявшей в сугробах машине. Нас двое, и мы так недавно познакомились, он, взрослый мужчина, и я, тринадцатилетняя девочка, боящаяся, что он возьмёт и спросит, сколько мне лет. А когда узнает – сразу же уйдёт. Я знаю это и стараюсь изо всех сил выглядеть старше, чтобы он ничего не заподозрил. Катя, Катя! Ну и влипла ты!

А где-то дома бабушка волнуется, поглядывает на свои старые, как и всё в её доме, часы и не находит себе места. Так проходит ещё полчаса. Бензин на исходе, и Павел начинает нервничать.

– Боюсь тебя оставлять тут, на дороге, а то бы пошёл в деревню за трактором, здесь всего километра три осталось. А может, посидишь? Нет! – всё же раздумывает он. – Мало ли, какие дураки могут ехать. Ёлки-палки! В хорошую погоду отсюда уже всю деревню видать, а вишь ты, не доберёшься. Будь оно всё неладно! – смотрит, усмехаясь. – А прежде всего твой Бандит. Поцелуй меня, – просит, склонившись надо мной.

О Боже! Как? Никогда не целовалась, ни с кем, нисколько! А тут! Как себя держать: уверенно, нежно, неприступно?

С опаской касаюсь его губ, тёплых, мягких. Они такие податливые, ждущие, такие живые. Дыхание их свежее. Ловлю себя на мысли, что пьянею, растекаюсь лужицей от его поцелуя, задыхаюсь от одеколона, запах которого, едва уловимый, слышен от шеи, волос, от всего его тела. Он просовывает правую руку мне за голову, наматывает на свои длинные пальцы мою косу, так, что натягивает волосы, как струну, а левой берёт меня за горло и жадно, торопясь целует так, что я уже ничего не слышу и не вижу. Целует меня в губы, а дрожат, млеют, согреваются руки, ноги, грудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.